

СОДЕРЖАНИЕ
НАУЧНЫЙ ДИСКУРС

История России и ее регионов

<i>Долгов В. В.</i>	Отношение к духовенству и церкви в контексте общественного сознания Древней Руси XI–XIII вв.	5
<i>Чеботарев А. М.</i>	Печатная информационно-просветительская деятельность Вольного экономического общества в XVIII веке	10
<i>Козлова В. Ю.</i>	Влияние социальной и этнической принадлежности владельцев городского жилища на его качество в Перми во второй половине XIX в.	16
<i>Шустов С. Г.</i>	Введение уставных грамот в горнозаводских волостях Строгановских имений в начале 1860-х годов	24
<i>Цысь В. В.</i>	Хозяйственная деятельность трудовых частей Сибири в 1920–1922 гг.	39
<i>Расторгуев А. П.</i>	Газеты «Уральский рабочий» и «Вечерний Свердловск» о событиях 19–21 августа 1991 г. на Среднем Урале	53

«Полицейское государство» и общество

<i>Абрамовский А. А., Малых И. П.</i>	Челябинский губернский революционный трибунал: создание и деятельность	61
<i>Казанин И. Е.</i>	Формирование института политической цензуры в советской России в начале 1920-х гг.	65
<i>Евсеев И. В.</i>	Верхнеуральская тюрьма: история пенитенциарного учреждения	75

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

А. Ю. Шатин — главный редактор
А. В. Мельников — зам. главного редактора
Н. Н. Алеврас — главный редактор научного направления
А. В. Захаров — зам. главного редактора научного направления
Т. А. Андреева, Г. А. Гончаров, В. В. Грудзинский, Г. Б. Зданович, И. В. Нарский, А. А. Пасс

Редколлегия журнала может не разделять точку зрения авторов публикаций. Ответственность за содержание статей несут авторы публикаций.

С требованиями к оформлению статей можно ознакомиться на сайте ЧелГУ www.csu.ru.

Адрес редакционной коллегии:
454088 Челябинск, пр. Победы, 162 в, к. 109. Тел.: (351)799-70-15
e-mail: lishs@csu.ru vhist@mail.ru (материалы к публикации дублировать по указанным адресам)

Журнал зарегистрирован в Упринформпечати администрации Челябинской области. Рег. № 87

Индекс 73855 в каталоге российской прессы «Почта России»

Редактор *Л. Л. Шигорина*
Верстка *Т. В. Ростуновой*
Компьютерный набор *А. А. Фокина*

Подписано в печать 29.12.07.
Формат 60×84 1/8. Бумага офсетная.
Гарнитура Times.
Усл. печ. л. 20,5. Уч.-изд. л. 12,8.??
Тираж 1000 экз. Заказ 210.
Цена договорная

ГОУ ВПО «Челябинский государственный университет»
454021 Челябинск, ул. Братьев Кашириных, 129

Издательско-полиграфический центр ЧелГУ
454021 Челябинск, ул. Молодогвардейцев, 57 б

<i>Кодинцев А. Я.</i>	Специальные коллегии уральских областных судов как органы политической юстиции в 1935–1938 гг.	81
-----------------------	--	----

Религиозные институты и общество

<i>Попова О. Д.</i>	Поместный Собор 1917–1918 годов и проблема духовно-учебных заведений	86
<i>Чумаченко Т. А.</i>	40-летие восстановления патриаршества в Русской православной церкви: церковный праздник или исполнение директивы? (К вопросу об отношении Православных церквей к экуменическому движению в 1950-е гг.)	99

Древняя история и традиционная культура

<i>Таиров А. Д., Любчанский И. Э.</i>	Взаимодействие племен степи и лесостепи Южного Зауралья в I тысячелетии до н. э. – первой половине I тысячелетия н. э.	108
<i>Ковтун С. П.</i>	Погребальный обряд раннесредневекового населения Верхнего Прикамья: символика и социальная интерпретация .	120

НАУЧНАЯ РЕФЛЕКСИЯ

<i>Кузнецова О. В.</i>	История повседневности на локальном уровне подходы и трудности	128
<i>Гришина Н. В.</i>	Школа В. О. Ключевского в пространстве русских литературно-художественных традиций	134
<i>Шевелёва П. В.</i>	Образ «красного профессора» (по материалам журнала «Историк-марксист»).	147

ЧЕЛОВЕК В ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЕ

<i>Гагарин А. А.</i>	Первый «красный директор» Верх-Исетского завода — Николай Михайлович Давыдов: судьба человека (1890–1963)	163
----------------------	---	-----

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ДЕБЮТ

<i>Потопахина О. Н.</i>	Материалы УНКВД по Курской области о состоянии антирелигиозной пропаганды накануне Великой отечественной войны	172
-------------------------	--	-----

SUMMARIES	176
------------------	-----------	-----

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	181
----------------------------	-----------	-----

ДРЕВНЯЯ ИСТОРИЯ И ТРАДИЦИОННАЯ КУЛЬТУРА

А. Д. Таиров, И. Э. Любчанский

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ПЛЕМЕН СТЕПИ И ЛЕСОСТЕПИ ЮЖНОГО ЗАУРАЛЬЯ В I ТЫСЯЧЕЛЕТИИ ДО Н. Э. — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ I ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ Н. Э.

Рассматривается проблема взаимодействия племен степной и лесостепной зон Южного Зауралья в эпоху раннего железного века и гунно-аланского времени. Освещаются ключевые вопросы истории, этногенеза и политогенеза кочевых, полукочевых и оседлых сообществ региона в I тысячелетии до н. э. — первой половине I тысячелетия н. э.

Южное Зауралье представляет собой территорию, которая включает в себя несколько ландшафтных зон: степную, лесостепную и горно-таежную. Такое районирование предопределило способы хозяйствования населения этих территорий. Наиболее освоенными в I тысячелетии до н. э. — I тысячелетии н. э. были степные и лесостепные районы. Причем в степной зоне абсолютно доминировало кочевое скотоводство, в то время как население лесостепи вело полукочевое или оседло-скотоводческое хозяйство.

Степные районы Южного Зауралья в I тысячелетии до н. э. были заняты племенами, являвшимися составной частью обширного скифо-сибирского мира. В VII–VI вв. до н. э. это были носители бобровско-гасмолинской археологической культуры, а в конце VI–II в. до н. э. — зауральского варианта прохоровской культуры.

Северными и северо-восточными соседями ранних кочевников Южного Зауралья в I тысячелетии до н. э. выступало население зауральских городищ с байтовской и воробьевской керамикой, племена гороховской, иткульской, гамаюн-ской и саргатской культур.

Контакты кочевников степи с населением лесостепи были весьма разнообразны по форме, интенсивности, широте и глубине, по своему характеру, способу осуществления и функциональной направленности. Они могли быть постоянными, периодическими или эпизодическими, охватывать все слои общества или отдельные его страты, выступать в форме взаимодействия и / или воздействия. По своему характеру и способу осуществления эти контакты могли быть военные или мирные, миграционные и инфильтрационные. Миграционные контакты — результат перемещения относительно больших групп людей. Инфильтрационные — результат перемещения небольших групп или даже отдельных лиц (например, при смешанных браках, включении в военную дружину иноплеменников и т. п.). Контакты можно разделить на хозяйственные, включая разделение труда между контактирующими обществами, социальные (массовые и элитарные), потестарно-политические и культурно-идеологические. Все эти типы контактов менялись во времени и пространстве в соответствии с конкретно складывающимися и меняющимися обстоятельствами. В одно и то же время типы контактов с

разными группами населения (носителями гороховской, иткульской, саргатской культур) могли быть разными. Различными в разное время могли быть и контакты с одной и той же группой населения. На разных отрезках истории преобладали те или иные типы контактов. Это зависело от множества трудноуловимых в настоящее время особенностей.

В относительно стабильные периоды преобладали, очевидно, постоянные хозяйственные, в том числе торгово-обменные, контакты, инфильтрации, включая брачные связи, охватывающие не только элитарные, но и рядовые слои населения. В такие периоды открывались значительные возможности и для культурно-идеологических контактов, проводниками которых в обществах лесостепи выступала родоплеменная верхушка, связанная своим происхождением с кочевым миром. В периоды же политической и экологической нестабильности преобладали, скорее всего, потестарно-политические контакты военного характера, сопровождавшиеся миграционными (включением в состав того или иного объединения крупных групп инородного населения).

В VIII в. до н. э. население зауральско-западносибирской лесостепи, оставившее памятники носилового, баитовского, воробьевского типов, иткульской и гамаюнской культур, было еще слабо связано со степным кочевым миром. Здесь сохранялись собственные внутренние отношения, к тому же с севера население лесостепи испытывало давление лесных по происхождению культур. Но уже в VII в. до н. э. воздействие степного сакского мира на население лесостепи значительно усилилось¹. Судя по расположению курганов, ранние кочевники VII–VI вв. до н. э. занимали весьма обширные территории в пределах современной зауральско-западносибирской лесостепи. В Южном Зауралье ими была освоена вся современная южная лесостепь до реки Миасс на севере.

О контактах лесостепного населения со Степью в VII–VI вв. до н. э. свидетельствуют материалы поселений и городищ, расположенных в лесостепи Зауралья, Притоболья и Тоболо-Иртышского междуречья. Это находки бронзовых зеркал с центральной петлей на обороте; бронзовых ножей без выделенной, или слабо выделенной, рукоятью, иногда с отверстием на ее конце или с кольчатой навершием, и формы для их отливки; бронзовых двухлопастных втульчатых, двух- и трехлопастных черешковых наконечников стрел и форм для их отливки; бронзовых амулетов-колесиков; железных булавок; предметов конской упряжи. Через территорию Южного Зауралья или Казахстана проникли в глубь лесостепи биметаллические чеканы и бронзовые кинжалы. Возможно, имело место и прямое проникновение воинских контингентов номадов в лесостепь. Об этом, на наш взгляд, свидетельствуют ранние (VII — первая половина VI в. до н.э.) погребения Прыговского могильника на Средней Исети². Однако эти проникновения, вероятно, еще не приводили к оседанию кочевников в лесостепи. Оставленные же номадами погребения в современной лесостепной зоне маркировали, по нашему мнению, лишь крайние пределы их летних кочевий, являясь своеобразным символом «сферы интересов».

На рубеже VIII–VII вв. до н. э. в лесостепи Южного Зауралья появляются первые городища, сначала гамаюнские, затем иткульские. Среди причин, обусловивших их строительство, — необходимость закрепления на осваиваемых землях у

«гамаюнцев» и потребность в охране средств металлургического производства, технических секретов и производимого продукта у «иткульцев» — главной, определяющей, мы считаем необходимость эффективной защиты от кочевников³. Строительство фортификаций явилось закономерной реакцией лесостепного населения Зауралья на агрессивность их степных соседей. Цепь гамаюнских и иткульских фортификаций, оформившаяся к VI–IV вв. до н.э., по рекам Багаряк, Синара, средняя Исеть защищала внутренние лесные районы от экспансии кочевых племен⁴. Главное, что привлекало кочевников Южного Зауралья, то, ради чего они стремились на север, был, как представляется, металл — медь и железо. Именно потребность в металле стимулировала их активную деятельность на северных рубежах своей территории. Показательно в этом отношении то, что большинство предметов, имеющих аналогии в кочевом мире, происходит от памятников иткульской культуры.

Потребность в металле была постоянной. Он был нужен для изготовления оружия, украшений, орудий труда, конской упряжи и т. п. И крайне важно было его регулярное и в достаточном количестве поступление. Поэтому кочевники Южного Зауралья, вероятно, уже во второй половине VII–VI в. до н. э. сделали ставку на ближайших его производителей — племена зауральской лесостепи, в частности племена иткульской культуры. Одним из наиболее ранних свидетельств военной активности кочевников на южных рубежах иткульского мира является, на наш взгляд, погребение 3 в кургане 2 могильника Иртыш 14⁵. На берегах озер Иртыш и Большая Нанюга находится несколько городищ иткульской культуры⁶. Эти памятники вместе с Иткульским I городищем на озере Иткуль, в 30 км севернее озера Иртыш, входят в Иртышское гнездо культуры, которое функционировало в VII–IV вв. до н.э.⁷ Наиболее ранний памятник гнезда Иткульское I городище является также одним из первичных металлургических центров иткульского очага медной металлургии. Время существования городища определяется концом VII–V в. до н. э. или VII–IV вв. до н.э.⁸

Обращает на себя внимание совпадение во времени процесса становления иткульской культуры и функционировавшего на ее базе металлургического очага и начала активного проникновения кочевников в лесостепь, в частности в ареал формирующейся иткульской культуры. Как нам кажется, именно потребность кочевого мира в цветном металле определила становление и стимулировала дальнейшее развитие иткульской культуры и иткульского очага металлургии, который и в дальнейшем был тесно связан со Степью⁹. Результатом же военной активности номадов в VII–VI вв. до н. э. **явилось установление, по всей вероятности, системы даннических отношений** — в обмен на гарантии «покровительства» иткульские племена поставляли кочевникам цветной металл и изделия из него. При этом «иткульцы», очевидно, в основном сохраняли свою целостность как социально-потестарная и экономическая общность.

Военно-грабительский характер первых контактов, а в дальнейшем и даннические отношения, привели к почти полному отсутствию культурно-идеологических контактов между «иткульцами» и кочевниками. Их взаимоотношения, не затрагивая сферу духовной культуры, ограничивались лишь постоянными хозяйственными контактами, в которые вступали отдельные, прежде всего элитарные,

группы населения. Эту модель взаимоотношения населения степи и лесостепи Южного Зауралья мы обозначили как «иткульская»¹⁰.

Формирование второй, «гороховской», модели связано с миграцией в конце VI — начале V в. до н. э. групп ираноязычных кочевников Южного Зауралья и Приаралья в лесостепь Зауралья и Западной Сибири. Эти группы сыграли решающую роль в ускорении социально-экономического развития западносибирского населения и приняли участие в формировании гороховской и саргатской культур. Последнее обстоятельство нашло отражение в погребальном ритуале, конструкции могильных ям, надмогильных сооружений, инвентаре, фортификации и искусстве. Принадлежность к кочевым, сакским по происхождению, родам определяло знатность и высокий социальный статус у носителей гороховской и саргатской культур¹¹. Сакское же происхождение родовой знати в дальнейшем давало широкие возможности для развития хозяйственных, социальных, потестарно-политических и культурно-идеологических контактов с кочевыми племенами Южного Зауралья и Казахстана¹². Причем контакты эти охватывали не только элитарные, но и рядовые слои населения.

Интенсивное иранское воздействие, которому в V–IV вв. до н. э. подверглось население лесостепи Зауралья и Западной Сибири, обусловило не только иранские заимствования в угорских языках, связанные с хозяйством, религией, социальными отношениями и военным делом, но и проникновение в мировоззрение древних угров элементов мировоззрения ираноязычных народов¹³. Угорское население восприняло, хотя и не сразу, основные элементы модели мира ираноязычных кочевников, их погребальной обрядности. Этим, очевидно, можно объяснить распространение курганного погребального обряда у носителей гороховской и саргатской культур.

Уже с V в. до н. э. гороховцы, активно осваивавшие земли соседних племен, стали играть заметную роль во взаимоотношениях номадов Южного Зауралья, шире Южного Урала, с населением лесостепи. От состояния отношений с ними во многом зависело и снабжение кочевников металлом. Эти связи были обусловлены непосредственным соседством, близкими формами хозяйства и, возможно, генетическим родством. Эти связи политического, экономического и матримониального характера явились причиной распространения в V в. до н. э. в Южном Зауралье и прилегающих к нему районах круглодонной керамики с примесью талька в глине, близкой по форме технологии изготовления и орнаментации гороховской, сыгравшей ведущую роль в сложении раннесарматского (прохоровского) керамического комплекса¹⁴.

В конце V — начале IV в. до н. э. гороховцы занимали северную зауральскую лесостепь от восточного склона Урала до Среднего Тобола. Прослеживается определенная тенденция к постепенному их передвижению на восток¹⁵. Однако это продвижение гороховцев было остановлено встречным движением саргатских племен, первые памятники которых появляются в Среднем Притоболье в конце V — начале IV в. до н. э.¹⁶ Главной причиной перемещения саргатского населения на запад была, вероятно, перенаселенность в восточном ареале культуры при отсутствии свободных земель на востоке. Однако нельзя сбрасывать со счета и возможное стремление приблизиться к металлургическим центрам Зауралья.

Столкнувшись в Среднем Притоболье с гороховским и байтовским населением, саргатцы часть его ассимилировали, а часть оттеснили на север («байтовцы») или на запад, северо-запад и юг («гороховцы»)¹⁷. Под давлением пришельцев в конце V — начале IV в. до н. э. гороховское население из северной зауральской лесостепи вынуждено было передвинуться на запад, на территорию, занимаемую племенами иткульской и гамаюнской культур (восточные склоны Урала и его горно-лесные районы). Часть гороховских племен, включив в свой состав отдельные группы иткульского и воробьевского населения Зауралья, ушла еще дальше на запад и осела на правобережье среднего течения реки Белой, оттеснив, а частично и ассимилировав местные племена (гафурийская группа памятников). Другая же часть оказалась в Северо-Восточной Башкирии (айская группа памятников)¹⁸.

В Зауралье ареал гороховской культуры в конце V — начале IV в. до н.э., по-видимому, несколько смещается к югу, захватывая северную часть южной лесостепи (южнее реки Миасс), где до этого в VII–V вв. до н. э. фиксируются лишь памятники кочевого населения. В результате этого процесса здесь появляются не только погребальные комплексы смешанного характера (причелябинская группа курганов)¹⁹, но и типично гороховские погребения²⁰.

Продвижение гороховского населения на юг сопровождалось, вероятно, переходом некоторых групп к кочевому скотоводству и включением их в состав номадов Южного Зауралья. Именно это включение дало толчок более быстрому распространению круглодонной тальковой керамики среди кочевников Южного Зауралья, окончательному оформлению керамического комплекса прохоровской культуры²¹.

Экспансия саргатских племен на запад привела к резкому обострению политической ситуации в Зауралье. Именно на начальном этапе соседства гороховцев и саргатцев возникло большинство известных городищ на Нижней и Средней Исети и левобережье Тобола²². Создается реальная угроза потери кочевниками зауральских источников металла. В этих условиях неизбежен был военно-политический союз южнозауральских номадов и лесостепного гороховского населения. Последние, идя на этот союз, видели в кочевниках реальную силу, способную хотя бы на время приостановить натиск восточных племен. Для кочевников же союз с гороховцами давал возможность не только постоянного, точнее сказать, круглогодичного, контроля над племенами-производителями металла, что, вероятно, имело место и в предшествующее время, но и сохранения для себя этого, почти единственного к тому времени, источника стабильного поступления металла и изделий из него. Наличие такого союза явилось дополнительным фактором, обеспечивающим тесное взаимодействие на территории Южного Зауралья степных и лесостепных традиций в погребальной обрядности и материальной культуре.

В конце V — начале IV в. до н. э. Южное Зауралье вследствие резко наступившей аридизации вступает в эпоху экологического кризиса, продолжавшегося до II–III вв. н.э.²³ Значительно уменьшается количество атмосферных осадков, падает продуктивность пастбищ. В этих условиях передвижение в южную лесостепь части гороховского населения привело, по-видимому, к обострению демографи-

ческой ситуации в Южном Зауралье — перенаселенности. А при относительной перенаселенности достаточно нескольких неблагоприятных по климатическим условиям лет, чтобы массы кочевников направились на поиски новых пастбищ. Все это в конечном счете и предопределило передвижение части южнозауральских кочевников и вошедших в их состав лесостепных зауральских племен. В IV в. до н. э. оно было направлено главным образом на запад и юго-запад, в степные районы Южного Приуралья, которые в ландшафтно-климатическом отношении соответствовали их традиционному хозяйству и быту. Кроме того, начавшийся здесь в IV в. до н. э. процесс аридизации протекал более плавно и был менее выражен²⁴.

После освоения Среднего Притоболья саргатское население постепенно включило в орбиту своего влияния иткульских металлургов, рыболовов и охотников лесного Зауралья (кашинская культура). Свидетельством этого может служить керамика переходных типов: гороховско-саргатская, саргатско-иткульская, саргатско-кашинская и т. п.²⁵ Однако контакты саргатских племен с кочевниками Южного Урала в V–III вв. до н. э. ограничивались, вероятно, лишь военно-политическими. Данное обстоятельство обусловило то, что в саргатских памятниках этого времени встречены в основном близкие сарматским формы оружия и лишь изредка конской упряжи и поясной гарнитуры²⁶.

Начавшаяся в конце III в. до н. э. подвижка кулайских племен в южном направлении несколько изменила ситуацию в восточном ареале саргатской культуры. Она, в частности, вызвала отток части барабинского и прииртышского населения на запад и частично на юго-восток, в районы Алтая. Вероятно, давление саргатских племен с востока привело к подвижке населения и в лесостепном Зауралье. Следствием этого процесса явилось окончательное поглощение гороховского и иткульского населения и распространение саргатских культурных стереотипов по всему лесостепному Зауралью²⁷. Концом III — первой половиной II в. до н. э. датируются самые поздние гороховские погребальные комплексы²⁸.

В конце III в. до н. э. начинается и новый цикл проникновения южноуральских кочевников в лесостепь Зауралья и Западной Сибири, который заканчивается, вероятно, во второй половине II в. до н. э. Очевидно, с этим проникновением связано увеличение в памятниках саргатской культуры количества воинских захоронений с оружием и конской упряжью прохоровских форм, а также комплексов с огнем, могильных ям с заплечиками, появление южной и широтной ориентировок и т. п.²⁹.

Причинами, вызвавшими проникновение южнозауральских кочевников в лесостепь, были не только ухудшающиеся климатические условия в степи, но и неблагоприятная политическая ситуация в Средней Азии, близ их зимних кочевий. Но это проникновение носило уже совершенно иной характер, чем в конце VI — начале V в. до н. э. Во-первых, оно, очевидно, было менее массовым. Миграция носила, скорее всего, характер внедрения отдельных родовых групп, или их сегментов, в состав саргатского населения. Во-вторых, происходило оно в совершенно иных исторических условиях. Если в конце VI–V в. до н. э. кочевой мир Зауралья находился в стадии подъема, то в конце III в. до н. э. — в стадии глубокого упадка. С другой стороны, в конце VI–V в. до н. э. степные кочевники столкнулись в заураль-

ской лесостепи с разнородным и раздробленным населением, составлявшим своеобразную мозаику культур и культурных типов. В конце III в. до н. э. заканчивается процесс поглощения саргатцами предшествующих культурных образований лесостепи. В конце III — начале II в. до н. э. в лесостепи Зауралья и Западной Сибири уже существовало мощное племенное объединение, находившееся на довольно высоком уровне социально-экономического развития³⁰.

Взаимоотношения между кочевниками степи и «саргатцами» в IV–II в. до н. э. могут характеризовать третью модель взаимодействия населения степи и лесостепи Южного Зауралья в I тысячелетии до н. э. — «саргатскую».

Миграция кочевников Южного Зауралья как на запад, так и на юг, разгром оставшихся юэчжами имели далеко идущие региона последствия. Племена зауральско-западносибирской лесостепи, носители саргатской культуры, теперь могли установить непосредственные, в том числе и торговые, связи с сельскохозяйственными районами Средней Азии. В их руки перешел, вероятно, и контроль над торговыми путями, ведущими на юг. Вполне допустимо и предположение о постоянных прямых контактах лесостепного населения Зауралья с государственными образованиями Средней Азии. Запустение южнозауральских степей способствовало, в какой-то степени, расцвету саргатского племенного союза, что сопровождалось ростом населения в лесостепи, особенно в Зауралье³¹.

С первых веков новой эры для территории Южного Урала начинается эпоха поздней древности, которая заканчивается началом второй половины I тысячелетия. Внутри этого хронологического интервала выделяется несколько временных отрезков, которые включают в себя важнейшие события, отражающие этнические и культурные процессы в среде степного и лесостепного населения Южного Урала: вторая половина II–III в. н.э., IV — середина V в. н.э., V — начало VI в. н. э. В общеисторическом понимании эпоха поздней древности совпадает с начальным этапом эпохи «великого переселения народов» из районов Центральной Азии в Европу. Многочисленные импульсы этого процесса повлияли на культурную и этническую ситуацию в степном и лесостепном Зауралье, на характер взаимодействий и взаимоотношений племен двух ландшафтных зон.

Отдельные сюжеты столь глобального процесса нашли свое отражение в остатках материальной культуры племен Южного Зауралья. Однако складывается впечатление, что в период поздней древности развитие двух регионов Зауралья шло обособленно друг от друга и, контакты между степняками-скотоводами и племенами лесостепи носили периодический, нерегулярный характер. Как правило, эти контакты усиливались именно в то время, когда происходили серьезные, глобальные этнополитические события в степных районах Центральной Азии. Такими событиями периода поздней древности можно считать окончательный распад Хуннской державы в 93 г. н. э. и рост гегемонистских устремлений имперского Китая эпохи династии Младшая Хань. Часть хуннских племен, стремясь обрести новую «родину» к началу — середине II века н. э., достигают степных районов северного Приаралья, вступая в контакт с аланскими племенами этого региона. Возникший симбиоз аланского и хуннского населения проник и далеко на север и северо-восток, в пределы степей Южного Зауралья, оставив здесь разнообразные комплексы, свидетельствующие о синкретичном характере

их материальной культуры (могильники Большекараганский, Друженский, Каратал и др.).

В конце первой четверти I тысячелетия н. э. этнокультурные и этнополитические процессы в степях Южного Урала уже полностью определяются влиянием гуннского союза племен и его взаимодействием с лесостепными угорскими и степными ирано-язычными племенами. Обозначенные выше два столетия (II–IV вв. н.э.), по-видимому, были временем относительной этнополитической стабильности на территориях к западу от Яика и Уральского хребта.

Изменение этнокультурной ситуации на Южном Урале и примыкающих к нему районов Великого пояса евразийских степей, судя по имеющимся археологическим материалам, приходится на конец IV — начала V в. н. э. Характерно, что в степях региона (особенно в Приуралье) памятники этого времени практически не известны, зато как в Зауралье, так и в Приуралье наблюдается массовое проникновение кочевников вглубь лесостепной территории: могильник Малково, Байрамгулово II, Шатрово, Темясово — в Зауралье; памятники харинско-тураевского и турбаслинского типов — в Приуралье. Чем была вызвана подобная ситуация — однозначно сказать трудно, но в том, что она явилась следствием начала гуннской экспансии на запад, едва ли стоит сомневаться.

Уход части населения из южного Зауралья под воздействием общих процессов «переселения народов» скорее всего привел и к смещению части угорского населения Западной Сибири, которое в конце IV века н. э. проникло в Прикамье³². Сталкиваясь с гуннской миграцией, некоторые группы степного и лесостепного населения пытались избежать открытой встречи, поэтому вынуждены были скрываться в глухих, труднодоступных северных районах, обретая новую родину. Именно с этими событиями стоит связывать появление в Прикамье таких могильников, как Броды, Курманаево, Качка, Бурково³³. На территории же лесостепи местный (угорский) и пришлый (гунно-аланский) субстраты сосуществуют на одних территориях. Однако к концу V в. н. э. в лесостепном Южном Приуралье усиливаются интеграционные процессы, которые в настоящий момент можно продемонстрировать на примере сложения турбаслинской археологической культуры.

Население, оставившее памятники турбаслинского круга, находилось на стадии формирования нового этноса, который возник в степях Южного Зауралья и был генетически связан с гунно-аланским миром. Процесс появления «турбаслинцев» в лесостепной зоне Южного Приуралья связан с оттоком населения постгуннского времени из районов Восточного Приаралья и Южного Зауралья, который был вызван усилением эфталитского государства Центрального Казахстана, усилением давления Сасанидского Ирана на Хорезм и постепенным проникновением раннетюркских племенных групп в степные пространства Восточного Казахстана. Результатом этого трехвекторного «наступления» и явился частичный отток потомков гунно-аланских племен урало-казахстанских степей в лесостепные, более спокойные районы Южного Приуралья. При этом складывается впечатление, что в бассейны рек Белой и Демы (основная территория распространения погребальных памятников турбаслинского круга) пришел уже практически сформировавшийся этнос с устойчивой «этнической памятью». Это, в частности, подтверждают захоронения в склепах, исследованные на террито-

рии Уфы в районе мединститута и Сафроновской соляной пристани. Материалы этих погребений находят прямые аналогии в склепах Алтынасарского могильного комплекса более раннего времени (III — начало IV в. н. э.).

Безусловно, указанными аспектами не ограничивается проблема взаимоотношений степного и лесостепного населения Южного Урала в эпоху поздней древности. События, связанные с эпохой «великого переселения народов», повлияли и на лесостепное население Южного Зауралья в рассматриваемый отрезок времени. Специальных исследований в этой области нет, что связано со слабой изученностью региона. Однако даже по имеющимся материалам уже высказаны определенные суждения. Так, по мнению С. Г. Боталова, в Зауралье отдельные группы гунно-сарматского населения смешиваются с угорскими зауральскими племенами, носителями кашинских и прыговских археологических типов, а затем мигрируют вдоль Чусовой на северо-запад в Нижнее Прикамье, где участвуют в формировании ранней ломоватовской культуры³⁴.

Последующий, постгуннский, этап V — **середины VI в. н.э., в Южном Зауралье** не однозначен. Частично, на кромке южнозауральской лесостепи и степи сохраняются археологические памятники собственно гуннского облика (находки у Муслимово и Брюхановского выселка в Челябинской области). Но в это же время в пределах урало-казахстанских степей появляются памятники, которые завершают эпоху господства гуннов в Южном Зауралье. Эти новые, пока слабо изученные, археологические памятники вошли в научную терминологию под названием комплексов курганов с «усами» (каменными грядами). Даже единичные случаи обнаружения комплексов курганов с «усами» в лесостепной зоне Южного Зауралья (Султантимировский, Давлетовский, Баишевский, Суходол) могут говорить лишь о том, что эти пограничные районы степи и лесостепи в V — начале VI в. н. э. находились под контролем постгуннского населения и составляли северо-западную периферию урало-казахстанского кочевого мира³⁵.

С событиями, развернувшимися на степных пространствах восточной Евразии, связаны и изменения в лесной зоне Зауралья и Западной Сибири. В гуннский и постгуннский периоды (IV — начало V в. н. э., V — начало VI в. н. э.) археологически зафиксированы подвижки лесного населения Западной Сибири в южном направлении — в пределы границ лесного и лесостепного Зауралья. Этот процесс хорошо фиксируется по материалам городищ Уфа VI и Иткуль 15, а также поселения Мурино (север Челябинской области)³⁶. Однако малочисленность археологических материалов пока не дает возможности определить формы и характер взаимодействий между мигрантами и аборигенами.

Подводя итог исследованию, отметим, что Южное Зауралье в I тысячелетии до н. э. — первой половине I тыс. н. э. являлось ареной сложных взаимодействий этнически разнородного населения степи и лесостепи. Эти взаимодействия были весьма разнообразны по форме, интенсивности, широте и глубине. По своему характеру и способу осуществления это военные или мирные, миграционные и инфильтрационные контакты. Связи эти можно разделить также на хозяйственные, включая разделение труда между контактирующими обществами, социальные (массовые и элитарные), потестарно-политические и культурно-идеологические. Все эти типы контактов менялись во времени и пространстве в соответствии с

конкретно складывающимися и меняющимися обстоятельствами. В одно и то же время типы контактов с разными группами населения (носителями гороховской, иткульской, саргатской культур) могли быть разными. Различными в разное время могли быть и контакты с одной и той же группой населения. Но если отвлечься от частных случаев, то в отношениях населения степи и лесостепи Южного Зауралья в VII–II вв. до н. э. можно обозначить три модели взаимодействия: «иткульская», «гороховская», «саргатская».

Таким образом, можно отметить, во-первых, в период поздней древности постоянных культурных контактов между лесостепными и степными племенами Южного Зауралья не наблюдается. Во-вторых, по археологическим материалам фиксируются дискретные миграции кочевого населения в лесостепную зону Зауралья и Приуралья в гуннский и постгуннский периоды. Связаны они с геополитическими изменениями в центральноазиатском регионе. Эти миграции привели к обособлению кочевого населения в среде финно-угорских народов Южного Урала и последующей их трансформации в оседлые культуры с кочевым компонентом в Нижнем Прикамье (памятники харинского и тарасовского типов) и Южном Приуралье (турбаслинская культура). В-третьих, можно констатировать, что в V — начале VI в. н. э. зауральская лесостепь находилась под контролем степных кочевых племен постгуннского времени, оставивших комплексы курганов с «усами». Однако их влияние не распространялось в пределы Южного Приуралья, где, по-прежнему, видимо, доминируют потомки гунно-аланских племен.

Примечания

- ¹ См.: *Корякова Л. Н.* Культурно-исторические общности Урала и Западной Сибири (Тоболо-Иртышская провинция на ранней и средней стадиях железного века): Дис. д-ра ист. наук в форме научного доклада. Новосибирск, 1993. С. 25; *Она же.* Гаевский могильник в контексте эволюции саргатской культурной общности // Культура зауральских скотоводов на рубеже эр. Гаевский могильник саргатской общности: антропологическое исследование. Екатеринбург: «Екатеринбург», 1997. С. 138–154. С. 138.
- ² См.: *Koryakova L.* Burials and Settlements at the Eurasian Crossroads: joint Franco-Russian Project // *Kurgans, Ritual Sites and Settlements: Unrasian Bronze and Iron Age. BAR International Series 890.* 2000. P. 63–74. С. 65, 67.
- ³ См.: *Борзунов В. А.* Укрепленные поселения Западной Сибири каменного, бронзового и первой половины железного веков // *Очерки культурогенеза народов Западной Сибири.* Т. 1, кн. I. Поселения и жилища. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1995. С. 203–244.
- ⁴ Там же. С. 226.
- ⁵ См.: *Гаврилюк А. Г.* Иртыш-14 — погребальный комплекс степных кочевников в зауральской лесостепи // *Археология Южного Урала. Степь (проблемы культурогенеза).* Сер. «Этногенез уральских народов». Челябинск: Рифей, 2006. С. 225–245.
- ⁶ См.: *Гаврилюк А. Г., Наумов А. М.* Иртышские городища // *Этнические взаимодействия на Южном Урале: Материалы II регион. науч.-практ. конф.* Челябинск: Рифей, 2004. С. 35–41.
- ⁷ См.: *Бельтикова Г. В.* Зауральский (Иткульский) очаг металлургии (VII–III вв. до н. э.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук М., 1997. С. 19, 20.
- ⁸ См.: *Бельтикова Г. В.* Развитие иткульского очага металлургии // *Вопр. археологии Урала: Сб. науч. тр.* Екатеринбург: УрГУ, 1993. С. 93–106.
- ⁹ См.: *Корякова Л. Н.* Гаевский могильник в контексте эволюции саргатской культурной общности // *Культура зауральских скотоводов на рубеже эр. Гаевский могильник саргатской общности: антропол. исслед.* Екатеринбург: «Екатеринбург», 1997. С. 138–154. С. 140; *Савельев Н. С.*

- Каменные курганы восточных предгорий Южного Урала и некоторые вопросы формирования прохоровской культуры // Уфимский археологический вестник: Сб. науч. статей. Вып. 2. Уфа: НМ РБ, 2000. С. 17–48.
- ¹⁰ См.: *Таиров А. Д.* К вопросу о взаимодействии племен степи и лесостепи Южного Зауралья в раннем железном веке // Этнические взаимодействия на Южном Урале: Тез. докл. регион. науч.-практ. конф. Челябинск: Челяб. гос. ун-т, 2002. С. 107–109.
- ¹¹ См.: *Корякова Л. Н.* Ранний железный век Зауралья и Западной Сибири (саргатская культура.) Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1988. С. 157.
- ¹² См.: *Матвеева Н. П.* Ранний железный век Приишимья. Новосибирск: Наука. Сибирская издательская фирма, 1994. С. 125.
- ¹³ См.: *Пархимович С. Г.* Индоиранский компонент в мировоззрении обских угров // Сургут, Сибирь, Россия: Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 400-летию города Сургута: Тез. докл. Екатеринбург: Б. и., 1994. С. 159–162; *Яшин В. Б.* Еще раз о митраических истоках культа Мирсусне-хума у обских угров // Народы Сибири: история и культура (Сер. Этнография Сибири). Новосибирск: Изд-во ИАиЭ СО РАН, 1997. С. 44–52.
- ¹⁴ См.: *Мошкова М. Г.* Происхождение раннесарматской (прохоровской) культуры. М.: Наука, 1974. С. 35–38, 47–50; *Смирнов К. Ф.* Савроматы. Ранняя история и культура сармат. М.: Наука, 1964. С. 114, 115, 119, 120.
- ¹⁵ См.: *Матвеева Н. П.* Ранний железный век Среднего Приоболья: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1987. С. 14, 15.
- ¹⁶ См.: *Матвеева Н. П.* О соотношении гороховских и воробьевских памятников в Среднем Приоболье // Источники этнокультурной истории Западной Сибири: Сб. науч. тр. Тюмень: Б. и., 1991. С. 148–164.
- ¹⁷ См.: *Корякова Л. Н.* Ранний железный век Зауралья и Западной Сибири. С. 164; *Матвеева Н. П.* О гороховской культуре в Зауралье // Актуальные проблемы древней истории и археологии Южного Урала: Сб. науч. ст. Уфа: Восточный университет, 1996. С. 83–96. С. 90.
- ¹⁸ См.: *Матвеева Н. П.* О соотношении гороховских и воробьевских памятников в Среднем Приоболье. С. 148–164; *Пшеничнюк А. Х.* Шиповский комплекс памятников (IV в. до н. э. — III в. н. э.) // Древности Южного Урала. Уфа: БФ АН СССР, 1976. С. 35–131; *Борзунов В. А., Новиченков Н. Н.* Ранние укрепленные поселения финно-угров Урала // Материальная культура древнего населения Урала и Западной Сибири: Сб. науч. тр. Свердловск: УрГУ, 1988. С. 88–103.
- ¹⁹ См.: *Мошкова М. Г.* Погребения VI–IV вв. до н. э. в Челябинской группе курганов // Древности Восточной Европы. М.: Наука, 1969. С. 138–147.
- ²⁰ См.: *Терехова Л. М., Чемякин Ю. П.* Новый могильник раннего железного века в Челябинской области // История и культура сарматов: Межвуз. науч. сб. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1983. С. 129–138.
- ²¹ См.: *Мошкова М. Г.* Пути и особенности развития савромато-сарматской культурно-исторической общности: Науч. докл., представлен. в качестве дис. ... д-ра ист. наук. М., 1989. С. 31, 32.
- ²² См.: *Матвеева Н. П.* Социально-экономические структуры населения Западной Сибири в раннем железном веке (лесостепная и подтаежная зоны). Новосибирск: Наука. Сиб. изд. фирма РАН, 2000. 399 с. С. 101.
- ²³ См.: *Иванов И. В., Чернянский С. С.* Общие закономерности развития черноземов Евразии и эволюция черноземов Зауралья // Почвоведение. 1996. № 9. С. 1045–1055.
- ²⁴ См.: *Таиров А. Д.* Изменения климата степей и лесостепей Центральной Евразии во II–I тыс. до н. э.: Материалы к историческим реконструкциям. Челябинск: Рифей, 2003. С. 32–36.
- ²⁵ См.: *Корякова Л. Н.* Культурно-исторические общности Урала и Западной Сибири. С. 45; *Матвеева Н. П.* Край в раннем железном веке и средневековье // История Курганской области (с древнейших времен до 1861 года). Т. 1. Курган: Курган. пед. ин-т, 1995. С. 76–112.
- ²⁶ См.: *Матвеева Н. П.* Социально-экономические структуры населения Западной Сибири в раннем железном. С. 62, 69–72.
- ²⁷ См.: *Корякова Л. Н.* Гаевский могильник в контексте эволюции саргатской культурной общности. С. 138–154.

- ²⁸ См.: *Булдашов В. А.* Погребальная обрядность гороховской культуры: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1998. С. 13, 14.
- ²⁹ См.: *Корякова Л. Н.* Гаевский могильник в контексте эволюции саргатской культурной общности. С. 138–154; *Матвеева Н. П.* Ранний железный век Приишимья. С. 124, 125.
- ³⁰ См.: *Корякова Л. Н.* Гаевский могильник в контексте эволюции саргатской культурной общности. С. 138–154.
- ³¹ Там же.
- ³² См.: *Богачев А. В.* Кочевники лесостепного Поволжья V–VIII вв. Самара, 1998. С. 80.
- ³³ См.: *Голдина Р. Д.* Древняя и средневековая история удмуртского народа. Ижевск: Изд. дом «Удмурт. ун-т», 1999. С. 275, 276.
- ³⁴ См.: *Боталов С. Г.* Поздняя древность и средневековье // Древняя история Южного Зауралья. Т. II. Ранний железный век и средневековье. Челябинск: ЮУрГУ, 2000. С. 207–430. С. 286.
- ³⁵ См.: *Боталов С. Г., Таиров А. Д., Любчанский И. Э.* Курганы с «усами» урало-казахстанских степей. Челябинск: Юж.-Урал. филиал ИИА УрО РАН, 2006. 232 с.
- ³⁶ *Боталов С. Г.* Указ. соч. С. 207–430.

I. D. Tairov, I. E. Lyubchansky

**ON THE CONTACTS OF TRIBES OF STEPPE AND FOREST-STEPPE
OF SOUTH URALS IN THE 1ST MILLENIUM B. C. —
THE 1ST HALF OF THE 1ST MILLENIUM A. D.**

The article is devoted to the problem of contacts of tribes of steppe and forest-steppe of Trans-Urals during the epoch of the early Iron Age and that of Alans and Huns. The authors look into the key questions of history, ethnical and political genesis of nomadic, half-nomadic and settled communities of the region in the 1st millennium B. C. — the 1st half of the 1st millennium A. D.

T. A. Chumachenko

**40 YEARS ANNIVERSARY OF RESTORATION
OF PATRIARCHATE IN THE RUSSIAN ORTHODOX CHURCH:
IS IT A CHURCH HOLIDAY OR EXECUTION OF A DIRECTIVE?
(To a Study of the Attitude of Orthodox Churches
to Ecumenical Movement in the 1950-ies)**

The article is devoted to the history of preparation for celebrating 40 years anniversary of restoration of Patriarchate in the Russian Orthodox Church in May, 1958 in Moscow with the participation of heads of Orthodox autocephalous churches.

On the basis of the analysis of documents that have been introduced into academic circulation for the first time, the conclusion is proved: the authorities used the celebration as an occasion for the invitation of the heads and representatives of Churches with the purpose of discussing the problem of the attitude to ecumenical movement and the rejection of the decision of the 1948 Meeting condemning ecumenism.